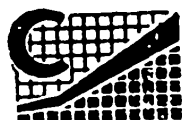

БРАЧНОСТЬ,
РОЖДАЕМОСТЬ,
СМЕРТНОСТЬ
в РОССИИ
и в СССР

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией

канд. экон. наук *А. Г. Вишневского*

Москва «Статистика»
1977

М. К. Караханов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В данной статье ставится задача обобщить и оценить отдельные стороны демографической истории республик Средней Азии во второй половине XIX столетия.

Основными источниками для изучения демографической истории Средней Азии служат материалы статистического комитета и архивы канцелярии Туркестанской администрации и областных правлений, а также отчеты и труды различных экспедиций по изучению территории и населения края. Эти материалы разбросаны по многочисленным местным архивам и хранилищам, и не всегда привязаны к определенным административно-территориальным единицам.

Многочисленные донесения, докладные записки, отчеты, переписка военных и гражданских чиновников, акты обследований и ревизий центральных органов России и различных комиссий Туркестанского военного губернаторства и его местных органов весьма интересны, но из-за неполноты сведений, особенно в части количественной характеристики населения, они лишь в ограниченной мере могут быть использованы для расчетов демографических показателей. Отдельные сводки данных о рождаемости, смертности, брачности и разводимости носили несистематический характер и подчас охватывали население небольших территорий.

Догмы ислама не одобряли ведения учета естественного движения населения, состава его по полу и возрасту, регистрации заключения и расторжения браков.

О влиянии религии на учет населения, говорит, например, следующее высказывание: «Мы не имели, разумеется, никакой возможности получить прямые сведения о численности этого населения (речь идет о населении г. Бухары. — М. К.), так как считать правоверный народ (следовательно и женщин и детей) по меньшей мере предосудительно и неприлично кому бы то ни было»¹.

Кроме религиозных были и другие препятствия, тормозившие развитие учета населения. В донесениях областных и уездных начальников, направленных на имя губернатора Туркестана, можно встретить различные объяснения причин плохой регистрации актов гражданского состояния. Например, правитель Сырдарьинской области писал, что метрические книги ведутся крайне ограниченным числом аульных старшин, записи в них неполные и делаются от случая к случаю. В качестве основных причин в письме указывается на то, что большинство аульных старшин, коим по должности вменено в обязанность ведение книг записи актов гражданского состояния, неграмотны, в силу чего они вынуждены прибегать к помощи грамотных обывателей, которых в пределах аула найти так же трудно, как и произвести саму запись в метрических книгах.

Кочевой образ жизни сводил на нет всякие попытки регистрировать рождения, смерти, браки и разводы кочевого населения, которое, не имея определенных земельных наделов, постоянно находилось в движении и обосновывалось на время там, где считало для себя удобным. Такие пристанища иногда располагались за пределами не только приписного аула или волости, но даже уезда и области².

Официальных документов систематической регистрации актов гражданского состояния не имелось (исключение составляет малочисленная группа выходцев из внутренних районов России). Об уровнях демографических процессов судили на основе общих представлений, поэтому в разных источниках обнаруживаются противоречивые, даже взаимоисключающие характеристики демографических процессов по отдельным районам края.

Присоединение Туркестана к России, интересы более рационального использования его природных и людских ресурсов сделали необходимым ведение систематическо-

¹ Пославский И. Т. Город Бухара. Ташкент, 1891, с. 69.

² ЦГИА УзССР, ф. 1, опись 12, д. 46, л. 17.

го учета и отчетности в области экономической жизни, выявления и эксплуатации природных ресурсов, административного управления и т. д. Хотя специальной демографической статистики не существовало, численность населения по волостям и уездам, численный состав семей, хозяйств, владельцев движимого и недвижимого имущества и других категорий населения приблизительно устанавливались. Основой для этого служили поземельные ведомости, различные сводки, списки налогоплательщиков и единовременные регистры. Следует, однако, заметить, что подобные оценки не были гарантированы от ошибок и существенных отклонений от реальной действительности.

О состоянии демографического учета в Туркестанском крае в конце прошлого века дает представление ответ на запрос Статистического комитета императорского вольно-экономического общества о приросте и убыли населения Сырдарьинской области за 1894—1896 гг.: «...сведений о движении населения области по городам и уездам за 1894—1896 гг. сообщить не можем, так как, во-первых, не располагаем такими цифрами, во-вторых, их получить невозможно при современном положении статистики в области, так как цифровые данные, доставляемые для нужд администрации, имеют характер беспочвенный и фантастический, а что касается сведений о вселяющихся и выселяющихся из области, то комитет по этому вопросу никаких данных не имеет и иметь не может благодаря кочевому образу жизни населения»¹.

Все сказанное не означает, однако, что изучение демографической истории дореволюционной Средней Азии невозможно. Несмотря на крайнюю ограниченность прямых демографических источников и на значительную трудность собирания нужных для характеристики населения сведений, исследователь имеет возможность при достаточно внимательном отборе архивных статистических данных составить по отрывочным источникам некоторую картину демографических процессов.

ДИНАМИКА ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Уже в 1867 г. с началом административного устройства на занятых царизмом территориях — образованием

¹ ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 1760, л. 23. Выдержка из письма Статистического комитета Сырдарьинской области № 246 от 13 ноября 1898 г.

Туркестанского генерал-губернаторства с областями Семиреченской и Сырдарьинской — были предприняты попытки определить численность жителей края и вести систематический учет естественного и механического движения населения. Однако местные условия долгое время не позволяли выполнить эту задачу. Переписи населения в среднеазиатском районе вплоть до конца прошлого века не проводились¹. Особенно скудные данные имеются о численности населения Хивы и Бухары, где всякие нововведения, включая и учет населения, признавались крамольными.

Первоначальные попытки определить численность населения отдельных территорий, городов и Туркестана в целом были основаны на использовании для расчетов средней людности двора или среднего размера семьи. Подобный метод определения численности населения имел целый ряд существенных недостатков (отсутствие дифференциации по территориальному признаку, игнорирование особенностей состава семей и т. п.), произвольные усредненные множители давали искаженное представление о степени заселенности той или иной части территории Средней Азии и создавали множество противоречий в оценке их демографического потенциала. Тем не менее эти оценки все же проливают некоторый свет на динамику численности населения Средней Азии во второй половине XIX в. и дают возможность исследователю использовать собранный по крупицам материал для исчисления показателей роста населения среднеазиатских союзных республик в современных границах в этот отдаленный период.

К первым публикациям, содержащим приблизительную оценку численности населения отдельных территорий, относятся результаты исследований русских ученых 50-х годов XIX в. Так, в одной из работ приводится оценка численности населения Хивинского ханства. По весьма приблизительным подсчетам она была определена в 73,5 тыс. человек, почти 70% составляли семьи узбеков, туркмен и каракалпаков².

Средний размер семьи для различных районов Турке-

¹ Из архива А. Л. Куня известно, что между 1850 и 1860 гг., во время правления Саидмухамед-Хана была проведена перепись населения в Хиве.

² См.: Записки Импер. русского географического общества. Кн. V. Под ред. П. Г. Редкина. Спб., 1851, с. 99.

стана определялся по-разному. Для Хорезма был принят средний размер семьи в 4 человека, исходя из чего численность населения Хивинского ханства в начале второй половины XIX в. определялась примерно в 2940 тыс. человек. Это население локализовалось на территории трех Среднеазиатских республик (современная Хорезмская область, Каракалпакская АССР, северная часть Бухарской области, северо-восточная часть Туркменской ССР). Если исходить из плотности населения этих территорий по данным переписей 1897 и 1926 гг., то указанная численность представляется сильно завышенной.

Правда, оценка численности населения по Хивинскому ханству, помимо Хорезма, включает и население, жившее на территориях оазиса Мангылака, района Балханских гор, г. Дехистана на берегу Каспийского моря, Узбоя и Северного Хорасана¹, степень заселенности которых трудно установить. Но все же численность населения ханства (более 2,9 млн. человек к середине XIX в.), видимо, завышена.

По Бухарскому эмирату подобных оценок численности населения на 50—60 гг. прошлого века не встречается. К периоду 70—80 гг. численность населения Бухары у разных авторов оценивается по-разному и колеблется в пределах от 1270 до 3000 тыс. человек. Авторы всех исчислений вынуждены были применять упрощенные методы расчетов из-за крайней ограниченности не только накопленной, но и текущей информации. Подобными исчислениями, как правило, занимались военные чины, недостаточно знакомые с местными условиями и не имевшие навыков демографических расчетов. Поэтому не удивительно, что часто встречаются различные оценки, относящиеся к одной и той же территории и на одну и ту же дату.

В географическом описании Заравшанского округа Л. Н. Соболев приводит цифры о численности населения Пенджикентского, Катта-Курганского и Самаркандского отделов в разрезе первичных административных подразделений (тумень и амлякство). Исходя из средней людности двора в 5 человек определяется численность населения округа в 1871 г. в 280,9 тыс. человек, живущих в 1347 населенных пунктах. Давая собственную оценку, автор констатирует, что в статье «О пространстве и населе-

¹ См.: История Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 119.

нии Туркестанского края» названа численность 163,2 тыс. человек, в статье «Долина Заравшана» — 200 тыс. человек, а оценка А. П. Федченко — 300,0 тыс. человек¹. В достоверности всех этих оценок Л. Н. Соболев сомневался.

В ряде публикаций в начале 70-х годов приводится оценка численности населения Туркестанского края в целом, сделанная А. Буняковским. Население Туркестана (без Бухары и Хивы) им было оценено в 1361,6 тыс. человек. Кроме того, учтено 30,0 тыс. человек русского населения². Следует заметить, что означенная цифра складывается из населения Семиреченской и Сырдарьинской областей, сюда не вошло население территорий, присоединенных к России в последующие годы.

В результате анализа статистических данных и литературных источников, а также сопоставления различных версий относительно территориального размещения и плотности населения Средней Азии, опубликованных историками, этнографами, экономистами, географами и другими специалистами, нами была произведена оценка численности населения по территориям республик Средней Азии на начало 1865 г. Численность населения в областях, непосредственно подчиненных Туркестанскому генерал-губернаторству, на 1865 г. оценена нами в 3145 тыс. человек. Численность населения на эту дату по территориям Бухарского эмирата и Хивинского ханства составляла соответственно 1654 и 391 тыс. человек.

Таким образом, на 1865 г. численность населения, жившего на современной территории республик Средней Азии, по нашей оценке, составляла 5190 тыс. человек. Эту цифру можно условно принять в качестве базовой для создания рядов динамики населения Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской советских республик.

Для создания непрерывных рядов динамики численности населения Средней Азии за период 70—90 гг. прошлого века статистическая информация сравнительно более богата³.

¹ См.: Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Заравшанском округе. Записки Географического общества. Гл. IV. Спб., 1874.

² См.: Материалы для статистики Туркестанского края. Под ред. Н. А. Маева. Вып. I. Спб., 1872, с. 120—123.

³ Исторический архив располагает достаточным количеством документов, касающихся в той или иной степени численности, состава и структуры населения. Эти документы состоят из архивных материалов канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ЦГИА

Для повышения точности исчислений между начальным (базисным) периодом оценки динамики населения (1865 г.) и критической датой Всеобщей переписи населения 1897 г. был обозначен промежуточный 1885 г., для которого население было исчислено с особой тщательностью. На начало 1885 г. численность населения областей Туркестанского генерал-губернаторства, вошедших позднее в состав республик Средней Азии, оценена в 3560 тыс. человек. Население Бухарского эмирата и Хивинского ханства определено приблизительно в 2306 тыс. человек, в том числе по Хиве — 437 тыс. человек.

Наиболее достоверные сведения о населении Средней Азии в прошлом веке дала, конечно, первая Всероссийская перепись населения 1897 г., хотя она и не охватила территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства¹.

В рамки границ Туркестанского генерал-губернаторства современные территории Среднеазиатских республик не укладываются. Кроме того, все области и уезды края в зависимости от этнических признаков населения и форм расселения (оседлое и кочевое) претерпели неоднократные изменения.

УзССР, ф. 1), статистико-экономических и историко-этнографических документов их архивов областных правлений (ЦГИА УзССР, ф. 17, 18, 19), документов Сырдарьинской области. Весьма ценными для восстановления демографической истории являются географические карты, схемы, которые сосредоточены в архивах среднеазиатских республик.

В этих картографических материалах отражено дореволюционное административно-территориальное деление в разрезе областей, уездов, волостей Туркестанского края на различные даты. По Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству имеются сведения о приблизительном количестве дворов и сумме общих доходов (Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернаторства, раздел «Управление, доходы и торговля ханства», ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 791, л. 89—116).

Кроме того, нами использован ряд изданий: Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. Спб., 1873; *Пославский И. Т.* Город Бухара; *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Спб., 1865; *Гирифельд К. Г., Галкин А. С.* Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I и II. Ташкент, 1902—1903. Кроме этих материалов, были привлечены геодезические планшеты, отчетная карта дельты Амударьи съемки 1889 г., карта Хивинского ханства и Туркестанских степей, изданная в 1873 г., карта Генштаба по Бухарскому ханству, изданная военным министерством в 1891 г.

¹ Учет численности населения, носящий иногда сплошной характер, проводился на местах и раньше путем подворного обхода по суженной программе. Например, в 1876 г. были проведены работы по выявлению численности населения городов Заравшанского округа. Эта была первая попытка установить с достаточной точностью

Все это обусловило выполнение в большом объеме пересчетов итогов переписи населения по первичным административным единицам с тем, чтобы они соответствовали современному административно-территориальному делению советских республик Средней Азии. Для этой цели была составлена крупномасштабная карта-схема территории Туркестанского края с включением Бухарского и Хивинского владений, где при помощи разноцветной окраски и штриховки совмещались границы среднеазиатских республик и границы бывшего Туркестанского края (по уездам и волостям). На карту также были нанесены все города и крупные сельские населенные пункты, существовавшие в конце 90-х годов прошлого столетия. Затем были произведены пересчеты численности населения территорий современных Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР на дату проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 г.¹

Численность населения в современных границах Узбекской ССР на дату переписи 1897 г. включает в себя

численность, этнический состав городского населения, экономическое, социальное положение и некоторые отличительные особенности местных жителей. Итоги учета дали весьма ценные материалы для изучения населения (Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. V. Спб., 1879, с. 351).

В Ташкенте неоднократно проводится общий счет населения на территориях так называемых русской и туземной частей. Однодневная перепись населения русской части населения Ташкента была проведена 17 марта 1893 г. (ЦГИА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 48); 28 марта 1892 г. была проведена однодневная перепись населения русской части г. Самарканда, которая установила численность населения в 10128 человек, в том числе 5922 человека военнослужащих и членов их семей. Из общего числа населения женщин было учтено 2349 человек (ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 909, л. 1).

Подобные переписи были предприняты в г. Верном и Фергане.

¹ При этом были использованы следующие материалы:

Итоги первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по Ферганской, Самаркандской, Сырдарьинской, Закаспийской и Семиреченской областям; Ф. 1, 17, 18, 19, 262, ЦГИА УзССР; таблица доходов Бухарского эмира, полученных из бекств на начало 1895 г. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 791, л. 7; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. Ташкент, 1915, с. 4—38; Материалы Всероссийской переписи населения 1917 г. Вып. IV. Сельское население Ферганской области. Ташкент, 1924; Материалы по районированию Узбекистана. Ташкент, 1934; Статистические сведения по городам и областям уездов Самаркандской области на 1897 г. Самарканд, 1898 (Составитель М. Вирский); Среднеазиатский экономический район. Под ред. Ю. И. Пославского, Г. Н. Черданцева. Ташкент, 1922; Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. I, II. Ташкент, 1926.

часть населения Андижанского, Кокандского, Наманганского и Маргиланского уездов, небольшую часть Ошского уезда Ферганской области, большую долю населения Ташкентского уезда и Амударьинского отдела Сырдарьинской области, Самаркандской области, а также большей части населения территории Бухарского и Хивинского владений.

К населению Киргизской ССР отнесено учтенное переписью 1897 г. население Пишпекского и Пржевальского уездов Семиреченской области, Ошского уезда (за исключением части населения Булакбашинской и Ак-Буринской волостей) Ферганской области, Карабалтинской волости и частично Курататинской волости Аулиэатинского уезда Сырдарьинской области, Ак-Мечетского и Чангирташского сельских обществ Аимской волости и Карасуйского сельского общества Андижанского уезда.

Численность населения Таджикской ССР складывается из населения территории восточной части Самаркандского уезда, юго-западной территории Ходжентского уезда с городом Ура-Тюбе, а также из населения Памирского района. Кроме того, в состав населения Таджикской ССР на дату переписи 1897 г. включено население восточной части Бухарского эмирата.

Население Туркменской ССР включает в себя полностью население Закаспийской области за вычетом незначительного числа населения Мангышлакского уезда и двух Адаевских волостей Красноводского уезда, переданных в 1920 г. в состав Казахской ССР. Из числа населения, проживавшего на территории Бухарского эмирата, вошли в состав населения Туркменской ССР жители Карнаасского, Терсского, Тенгаджикского кентов Келифского тюмена, а из Хивинского ханства включается значительная часть населения Таш-Аузского бекства.

В результате детального исследования нами была определена численность населения по республикам, которая соответствовала территориальным итогам первой Всероссийской переписи населения (см. табл. 1) ¹.

¹ Результаты работы по пересчету населения по Туркестанскому краю и оценки по Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству на дату переписи 1897 г. в современных границах республик Средней Азии были представлены ЦСУ СССР, которое одобрило их с внесением некоторых уточнений. Апробированные по республикам цифры численности населения включены в статистические ежегодники ЦСУ

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК
СРЕДНЕЙ АЗИИ ЗА 1865—1900 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.**

Территории в современных границах республик	Годы								
	1865	1870	1875	1880	1885	1890	1895	1897	1900
Узбекской ССР	3 320	3 426	3 529	3 651	3 767	3 889	3 931	3 948	4 016
Киргизской ССР	547	562	533	603	622	641	655	663	697
Таджикской ССР	686	703	722	742	763	784	792	810	848
Туркменской ССР	637	653	672	692	711	731	737	750	797
Средняя Азия	5 190	5 344	5 506	5 687	5 863	6 045	6 115	6 171	6 358

Исходя из итогов переписи 1897 г. по всей территории дореволюционной Средней Азии и оценок на этот год для Бухарского эмирата и Хивинского ханства, где не проводилась перепись, а также из оценок численности населения на 1865 и 1885 гг., была определена численность населения Средней Азии за промежуточные годы (с пятилетними интервалами). Само собой разумеется, что при интерполировании всесторонне учитывалась вся наличная статистическая и иная информация, а также предположительная демографическая ситуация, соответствующая этим периодам.

Рост численности населения Среднеазиатских республик, характерный для периода 1865—1897 гг., происходил в основном за счет естественного прироста населения. Механический прирост, как об этом свидетельствуют данные о пространственном движении населения, существенного значения не имел. Межобластные передвижения населения происходили в небольших размерах и взаимно перекрывались. Что же касается передвижения населения из внутренних губерний России в пределы Средней Азии в начальный период колонизации края, то такие передвижения имели узко целевую направленность, и контингенты мигрировавших, состоявшие в основном из военнослужащих, концентрировались в крупных городах и укрепленных пунктах.

СССР и ЦСУ среднеазиатских союзных республик. Все материалы (первичные данные, оригиналы и составительские карты и др.) хранятся в фондах лаборатории народонаселения ТашГУ им. В. И. Ленина.

Более или менее заметный приток гражданского населения из западных районов России начинается только с 90-х годов и усиливался по мере подготовки для переселенцев земельных наделов. Но в рассматриваемый период передвижения населения из внутренних районов России в направлении Туркестана не оказывали заметного влияния на темпы роста населения. Положительное сальдо миграции было крайне незначительно, о чем говорят итоги переписи 1897 г. Как показывают данные переписи, в составе населения Средней Азии доля уроженцев внутренних губерний России, а также подданных иностранных государств была крайне низкой.

Например, по данным переписи 1897 г. на территории Самаркандской области удельный вес населения, считавшего родным русский язык, составлял 1,6%, в том числе в городах — 1,2%, в сельской местности — 0,4%. Подобная картина наблюдалась и в других частях Средней Азии, а в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве русское население вообще можно было сосчитать по пальцам. Следовательно, перемещения из внутренних районов России вплоть до конца XIX в. не могли оказывать сколько-нибудь заметного влияния на динамику численности населения Средней Азии.

Определенный интерес представляют данные о темпах роста населения территорий в современных границах республик Средней Азии (см. табл. 2).

Таблица 2

**СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ, %**

Территории в современных границах республик	1865— 1875 гг.	1875— 1885 гг.	1885— 1895 гг.	1865— 1897 гг.
Узбекской ССР	0,62	0,65	0,45	0,53
Киргизской ССР	0,65	0,65	0,53	0,61
Таджикской ССР	0,51	0,58	0,38	0,52
Туркменской ССР	0,54	0,59	0,37	0,50
Средней Азии	0,60	0,64	0,43	0,54

Среднегодовой темп роста численности населения Средней Азии за 32 года равен примерно 0,5%. Стабильный уровень рождаемости при почти полном отсутствии влияния миграции обуславливал незначительную колеблемость темпов роста населения от периода к периоду.

Однако в отдельные годы в связи с распространением различных эпидемий смертность достигала высоких пределов, и колебания темпов роста населения усиливались.

Темпы роста населения на территориях современных Узбекской и Киргизской ССР были несколько выше, чем на территориях Таджикистана и Туркмении. Это объясняется, вероятно, тем, что большая часть населения этих территорий жила тогда в пределах Бухарского и Хивинского владений, где условия жизни были хуже, чем в коренных областях Туркестанского края, в силу чего и население увеличивалось медленнее.

Разумеется, произведенная нами оценка динамики численности населения по республикам Средней Азии за вторую половину XIX в. не претендует на абсолютную точность. Тем не менее тщательное изучение процессов, происходящих в населении в прошлом, и применение различных методов оценки с учетом исторической обстановки и демографической ситуации тех или иных периодов дают автору основание полагать, что построенные им ряды динамики достаточно близки к истине и окажутся полезными при изучении экономической и демографической истории Средней Азии.

СМЕРТНОСТЬ

Общие условия жизни, преобладавшие в Средней Азии во второй половине XIX в., с точки зрения смертности могут быть охарактеризованы как крайне неблагоприятные. Эти условия охватывали все стороны труда и быта населения и, вызывая массовые заболевания, были причиной высокой смертности.

На протяжении веков разного рода болезни уносили огромное число жизней, потери от болезней в Туркестане не могли сравниться даже с потерями в результате междоусобных распрей, голода или стихийных бедствий. Хотя в европейских и в других развитых странах уже давно были известны этиология и методы лечения многих инфекционных болезней, местное население все еще не умело бороться с ними. Широкому распространению эпидемических и эндемических заболеваний в Туркестане, помимо низкой общей и санитарной культуры местного населения, способствовало отсутствие каких бы то ни было мер по профилактике и лечению болезней; а также

по оздоровлению окружающей среды. Во всем крае насчитывалось лишь 102 врача, 65 амбулаторий и 64 больничных учреждения с общим числом коек 976, а аптек было всего 34¹.

К концу 1900-х годов на 100 тыс. жителей Туркестана приходилось немногим более 0,5 врача, фельдшера и акушерки, вместе взятых. Высокий уровень смертности сохранялся также вследствие очень низкого уровня жизни широких слоев населения. Поэтому долгое время не отмечалось признаков снижения заболеваемости и смертности. Коэффициент смертности оставался на стабильно высокой отметке, и даже в конце XIX в. сохранялось положение, характерное для давно минувших периодов.

Средняя Азия издавна была зоной, где постоянно свирепствовала эпидемическая малярия. Насколько опустошительны были последствия малярии для населения отдельных районов, могут свидетельствовать следующие данные по некоторым волостям.

Таблица 3

**ПОКАЗАТЕЛИ СМЕРТНОСТИ ОТ МАЛЯРИИ
НАСЕЛЕНИЯ КУРАМИНСКОГО УЕЗДА ЗА 1896 Г.**

Волости	Численность населения по переписи 1897 г.	Число умерших от малярии за год	Число умерших на 1000 жителей
Алтыновская	11 079	796	71,8
Джалял-Тюбинская	8 495	416	49,0
Булатовская	14 635	321	21,9
Джаусукумская	5 467	40	7,3
Китай-Тюбинская	12 931	196	15,2

Источники: Исчислено на основе архивных документов: ЦГИА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 21572, л. 1, 5, 6; ф. 269, оп. 1, д. 348, л. 104—105; 107—108; Ежегодник «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. I. Приложение-списки кишлаков и аулов Кураминского уезда с обозначением числа жителей. Спб., 1872, с. 14—24.

В пяти волостях в среднем на каждые 1000 человек населения умирали от малярии 33,6 человека.

Одним из наиболее распространенных эпидемических заболеваний в Туркестане была оспа. Даже в относительно благоприятные годы с пониженной смертностью от оспы умирал каждый третий заболевший, а у выздоровевших на всю жизнь оставались следы этой болезни, многие теряли зрение. Несмотря на то что меры профи-

¹ «Медицинский журнал Узбекистана». Ташкент, 1974, № 10, с. 6.

лактики и лечения оспы были известны сравнительно давно, среди населения оздоровительно-предупредительные работы не проводились.

Частые вспышки эпидемий холеры и чумы, уносившие многие жизни, были следствием плохого санитарного состояния края. Ликвидацией вспышек эпидемии, по существу, администрация края не занималась. По этому поводу уместно привести выдержку из протокольной записи заседания Думы, которая предельно ясно определяет отношение властей к вопросам охраны здоровья населения.

«Отношение Сырдарьинского областного правления по вопросу об отпуске взаимнообразно городскому управлению денег на расходы по борьбе с холерой. Совет генерал-губернатора уведомил, что ссуда городу может быть дана только при условии, если она будет уплачена к 1 июля 1907 г.»¹

Около 5% больных составляли больные туберкулезом². По оценкам, от всех форм туберкулеза в 60—90 годы XIX в. умирали 5—6 человек на 1000 человек населения. Жертвами этой болезни чаще всего оказывались дети. Во многих районах Туркестана неполноценному питанию часто сопутствовали различные формы туберкулеза, который приводил к повышению смертности среди населения.

На территории Средней Азии распространенными были многие инфекционные и паразитарные заболевания: различные формы тифа, лейшманиоз, амебиаз, ришта, зоб, трахома и др. Значительный удельный вес имели желудочно-кишечные заболевания, болезни органов кровообращения, венерические, психоневрологические и т. д., которые также увеличивали смертность населения и повышали удельный вес больных-хроников.

Очень высока была детская смертность. В обычаях, касавшихся вскармливания новорожденных, у мусульманского населения Средней Азии были некоторые положительные моменты, которые способствовали повышению выживаемости маленьких детей по сравнению с другими народами. В литературе имеются указания на то, что продолжительность кормления детей только грудным молоком вплоть до достижения двухлетнего возраста у корен-

¹ Газета «Русский Туркестан», 1904, 25 дек., № 108, статья «В Думе».

² «Медицинский журнал Узбекистана», 1974, № 10, с. 27.

ных национальностей Средней Азии оказывала некоторым образом тормозящее воздействие на распространение желудочно-кишечных и других болезней, вызывающих наибольшую смертность у младенцев. В то же время после прекращения кормления грудью женщины Средней Азии, как правило, оставляли детей без присмотра. Это обстоятельство при антисанитарных условиях не могло не вести к повышенной смертности детей от инфекционных болезней, разного рода травм и т. п.

По дореволюционной Средней Азии трудно рассчитать показатели, характеризующие уровень смертности. Учет смертности практически не был налажен, более того, ритуальные обряды, связанные с похоронами и регламентируемые соответствующими установлениями религии, исключали какие-либо записи об умерших. Показатели, которые встречаются в работах отдельных авторов (А. Буняковского, М. Терентьева и других), можно рассматривать скорее как оценки, даваемые исходя из общей логики формирования уровня смертности в условиях, характерных для Туркестана того времени, нежели как достоверные статистические данные.

Можно без особого риска утверждать, что смертность в Туркестане была выше, чем во внутренних районах России. Динамика общего коэффициента смертности по 50 губерниям Европейской России во второй половине прошлого века была следующей (в ‰):

1861— 1865 гг.	1866— 1870 гг.	1871— 1875 гг.	1876— 1880 гг.	1881— 1885 гг.	1886— 1890 гг.	1891— 1895 гг.	1896— 1900 гг.
36,5	37,4	37,1	35,7	36,4	34,5	36,2	32,1

Источник. Рашин А. Г. Население России за 100 лет, с. 188.

В последнее пятилетие XIX в. общий коэффициент смертности в Европейской России был самым низким, но именно к этому пятилетию относится исчисленная для населения Европейской России средняя продолжительность жизни: 31,3 года для мужчин и 33,4 года для женщин в 1896—1897 гг.¹ Эти показатели говорят о том, что и в Европейской России в самом конце XIX в. смертность все еще была очень высокой.

¹ См.: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России, с. 120, 125.

Можно думать, что смертность мужчин в Средней Азии была в этот период выше, чем в европейской части страны, так что средняя продолжительность жизни едва ли превышала 30 лет. Что же касается смертности женщин Средней Азии, то она была существенно выше, чем в Европейской России, а средняя продолжительность жизни ниже, чем у мужчин. Об этом косвенно свидетельствует соотношение численности мужчин и женщин. В то время как в Европейской России в 1897 г. на 100 мужчин приходилось 104 женщины, в Средней Азии — всего 84.

Не претендуя на точную оценку уровня средней продолжительности жизни населения Средней Азии в конце XIX в. (для такой оценки сейчас нет достаточных данных), можно предположить, что она находилась примерно в пределах от 27,5 до 30,0 лет для обоих полов. Эти показатели близки к исчисленным М. В. Птухой для русского населения Европейской России (27,5 года для мужчин и 29,8 года для женщин) ¹.

Приняв нашу оценку средней продолжительности жизни в 27,5—30,0 лет и учитывая исчисленный выше темп прироста населения Средней Азии в конце прошлого столетия (0,5% в год), можно с помощью известных моделей стабильного населения Э. Коула и П. Демени реконструировать и некоторые другие показатели воспроизводства населения, в частности коэффициент смертности. Принимая в качестве аналога модель «Восток» ², получаем, что коэффициент смертности населения Средней Азии в конце XIX в. находился в пределах от 35,25 до 38,94‰, а округленно от 35 до 39‰. Эти коэффициенты вряд ли можно считать слишком высокими. Даже в Европейской России в последнее пятилетие XIX в. насчитывалось 13 губерний, в которых коэффициент смертности был выше 35‰, причем в трех из них он был даже выше 39‰.

БРАЧНОСТЬ

В дореволюционном Туркестане заключение и расторжение брака регулировалось нормами религии. Ислам рассматривает брак, рождение детей и их воспитание как

¹ Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 261.

² Coale A. J., Demeny P. Regional model life tables and stable populations. Princeton, 1966. Model «East».

благо. Согласно шариату брак есть «замечательное деяние», преследующее цели увеличения «рабов аллаха и его наместника на земле».

Процедура заключения брака, брачная жизнь, рождение детей, общение с родственниками и знакомыми, наследственные права, короче, все многообразные отношения семьи с людьми и обществом, а также внутри семьи отображались в религиозных нормах, соблюдение которых было обязательным для всех верующих. Следует отметить, что все основные нормы, касающиеся брака, формирования семьи, особенно те из них, которые регулируют в известной степени демографическое поведение людей, с педантичной последовательностью записаны в шариате.

Эти правила являются обобщением обычаев народов прошлых эпох и поэтому содержат религиозно-формализованный опыт прошедших времен. Между прочим, этот аспект упоминается даже в коране¹. Вместе с тем не все население было осведомлено о содержании норм и положений шариата, оно больше усваивало кодекс из устных правил (адат), которые иногда находились в противоречии с нормами шариата. Например, у многих народов Средней Азии по адату на жене умершего должен был жениться его младший брат, а по шариату таких правил нет.

Таблица 3

**ЧИСЛО СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ
НА 1000 ЧЕЛОВЕК ДАННОГО ПОЛА И ВОЗРАСТА В 1897 Г.**

Возрастные группы	Состояло в браке	
	мужчины	женщины
До 15	1	10
15—16	18	379
17—19	64	741
20—29	378	948
30—39	809	943
40—49	907	836
50—59	919	620
60 лет и старше	863	273

Источник. Рассчитано по итогам первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по областям и уездам, входящим в состав республик Средней Азии. (Закаспийской, Семиреченской, Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской.) По Бухарскому и Хивинскому ханствам включены оценочные данные.

¹ «Аллах хочет разъяснить вам и вести вас по обычаям тех, которые были до вас». Коран, Сура 4, стих 31.

Как известно, характерной особенностью демографического развития Средней Азии в прошлом были ранние браки. Каждый родитель старался как можно быстрее выдать замуж дочь и женить сына. Однако реализация такого желания наталкивалась на противодействующие факторы, особенно в отношении мужчин. Если и была определенная экономическая выгода, которую родители имели, выдав замуж дочь, то большие издержки при женитьбе сына ограничивали ранние браки среди мужчин.

Приведенные данные выявляют ряд характерных черт брачности населения Средней Азии. Прежде всего они отражают специфическую картину значительных различий в брачности по полу. Особенно ярко выступают эти различия в младших бракоспособных возрастах, отражая широкую распространенность неравных по возрасту браков. Практически все женщины от 20 до 40 лет состояли в браке, несмотря на большое число овдовений и существование практики разводов. Что же касается мужчин, то у них доля женатых была наибольшей в возрасте после 40 лет.

В дореволюционной литературе остался неосвещенным вопрос о распространенности полигамных семей, встречаются лишь отрывочные сведения по городам и некоторым сельским местностям. В этой связи представляют интерес результаты некоторых исчислений, касающихся количества и состава полигамных семей в Ферганской долине.

Таблица 4

**ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИГАМИИ В КОЧЕВЫХ РАЙОНАХ
ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ**

Число налич- ных хо- зяйств	Наличие полига- мии		в том числе браки					
	абсолютное число	% к общему числу хо- зяйств	с двумя женами		с тремя женами		с четырьмя женами	
			абсо- лютное число	%	абсо- лютное число	%	абсо- лютное число	%
29 380	1 413	4,85	1 338	4,6	70	0,24	3	0,01

Источник. Исчислено на основе данных демографического обследования кочевого населения, проведенного переселенческим управлением в 1911—1913 гг.

О степени распространения полигамии дают представление и следующие выборки из архивных источников. Согласно похозяйственным спискам местной администрации Кугартской волости в Тюря-томском сельском обществе из 240 хозяйств у 27 глав семьи (11,3%) имелось по 2—3 жены. Средняя детность всех полигамных семей составляла 3,5 человека, а в семьях, где было по 3 жены, на семью приходилось в среднем по 4,1 ребенка. По Айгырджайскому обществу из 201 хозяйства в 17 (8,5%) имелось по две жены. Среднее число детей на одно хозяйство составляло 3,1, в то же время в хозяйствах, где имелось по две жены, среднее число детей составляло 5,1¹.

Многоженство было характерно для состоятельных хозяйств, представлявших зажиточные слои городского и сельского населения. Влияние полигамии на демографические процессы было небольшим.

Разводы среди населения Туркестанского края, Бухарского и Хивинского ханств не были распространенным явлением. Расторжение брака среди местного населения происходило по большей части согласно предписаниям шариата, развод обычно имел односторонний характер, т. е. в 9 из 10 случаев он зависел от произвола мужа. Мужчину удерживал от неоправданных разводов лишь возможный материальный ущерб, поскольку при разводе он был обязан передать разведенной жене часть недвижимого имущества, обусловленную при заключении брака.

При разводе мужем указывались причины (неблаговидное поведение жены, неумение вести хозяйство, неспособность родить и воспитать детей, неуважительное отношение к родителям супруга и т. д.). Доводы мужа с педантичной доскональностью выслушивались местными судьями, которые разрешали развод. Неблаговидное поведение мужа: грубое обращение с женой, супружеская неверность и другие — не влекло за собой возбуждения дела о разводе со стороны жены. В этом проявлялась одна из многочисленных сторон бесправного положения женщины в Туркестане.

Одной из отрицательных черт демографического развития Средней Азии в прошлом следует признать относительно высокую долю вдовствующих.

¹ ЦГАФ 19, оп. 1, д. 7748, л. 1,2—20, л. 22—41.

Высокая и ранняя брачность женщин была важным фактором высокой рождаемости в Средней Азии. Вероятность внебрачного рождения здесь так же, как и в других странах с преобладанием мусульманского населения, практически равнялась нулю. Все народы Средней Азии, жившие по одинаковым канонам семейной жизни, не знали внутрисемейного регулирования рождаемости. Со времени вступления в брак и до наступления менопаузы рождение детей в браке ничем не ограничивалось (за исключением таких объективных факторов, как состояние здоровья супругов). Некоторое влияние на уровень рождаемости могли оказывать полигамные браки, однако это влияние было, вероятно, небольшим.

Достоверных статистических данных о рождаемости в Средней Азии во второй половине прошлого века нет, установить число родившихся в дореволюционном Туркестане практически было невозможно. Только с 70-х годов XIX в. русская администрация стала предпринимать попытки окольным путем подойти к оценке рождаемости, однако большого успеха эти попытки не принесли. В архивных документах, в статистических отчетах и в литературе встречаются отдельные оценки уровня рождаемости, но они, по большей части, не отражают действительной картины.

Примером таких оценок могут служить данные о рождаемости в Сырдарьинской области за 1870 г. В целом по области число родившихся на 1000 жителей оценивается в 34,5, в том числе по городу Ташкенту — 38,8, по Курамскому уезду — 30,2, по Джизакскому уезду — 40,6, по Ходжентскому уезду — 37,8, по Чимкентскому уезду — 27,7¹.

В то же время имеются и другие, более высокие оценки уровня рождаемости. Так, по данным обследования туземного населения в трех уездах Семиреченской области в 1868 г. было учтено 18477 рождений, коэффициент рождаемости составлял 50‰². А. Буняковский на основе

¹ См.: Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России, очерк III. Приложение № 4 «Движение населения Сырдарьинской области за 1870 г.». Спб., 1874; по г. Ташкенту численность населения взята из ежегодника «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. I. Спб., 1872, с. 120.

² См.: Буняковский А. О пространстве и населении Туркестанского края. Туркестанский сборник. 1872, т. 59.

анализа материалов статистики и обследований, относящихся к 70 годам прошлого столетия, отмечал, что уровень рождаемости у местного населения весьма значителен и превосходил все известные случаи. Эти оценки представляются нам завышенными.

При близости многих черт воспроизводства населения в Средней Азии и в коренных районах России и при наличии в Европейской части России групп мусульманского населения, сходных по образу жизни, традициям, религиозной морали с населением Туркестана, правомерно ожидать и близких показателей рождаемости у населения Туркестана и ряда других районов России.

В то же время не следует упускать из виду и тех различий, которые существовали между населением среднеазиатской и европейской частей страны и которые, вероятно, должны были вести к некоторому понижению рождаемости в Средней Азии по сравнению с ее уровнем в Европейской России. В частности, худшее здоровье женщин, распространенность сверххранних замужеств и другие подобные факторы могли вести к ранней стерильности женщин и снижать их естественную плодовитость.

Известно, в частности, что снижение плодовитости может быть одним из следствий малярии, от которой, как уже говорилось, сильно страдало население Средней Азии. Негативное влияние на плодовитость браков могла оказывать значительная разница в возрасте супругов, особенно в полигамных браках, рождаемость снижалась из-за ранней смертности женщин, из-за длительной лактации и т. п. Таким образом, можно думать, что, хотя рождаемость в Туркестане и была высокой, уровень ее все же должен был быть несколько ниже, чем в европейской части страны.

По 50 губерниям Европейской России динамика общего коэффициента рождаемости была следующей (в ‰):

1861— 1865 гг.	1866— 1870 гг.	1871— 1875 гг.	1876— 1880 гг.	1881— 1885 гг.	1886— 1890 гг.	1891— 1895 гг.	1896— 1900 гг.
50,7	49,7	51,2	49,5	50,5	50,2	48,9	49,5

Если реконструировать общие коэффициенты рождаемости населения Средней Азии в конце прошлого века с помощью моделей стабильного населения Э. Коула и П. Демени (так же, как это было сделано в отношении смертности), то мы получим, что общий коэффициент рождаемости мог находиться в пределах от 40,25 до 43,94‰, а округленно от 40 до 44‰. Как и следовало ожидать, эти весьма высокие показатели рождаемости все же несколько ниже, чем соответствующие коэффициенты для населения Европейской России.

Уровень смертности населения Средней Азии вплоть до конца прошлого столетия, вероятно, практически оставался неизменным, несмотря на то что в Европейской России уже наметилась тенденция к его некоторому снижению. Что же касается уровня рождаемости, то даже и в Европейской России нельзя обнаружить сколько-нибудь определенной тенденции к его снижению в прошлом веке. Едва ли можно предположить такое снижение и в дореволюционном Туркестане. Вековые традиции брака, развода, отношения к детям не претерпели в рассматриваемый период никаких изменений, внутрисемейное ограничение рождаемости оставалось неизвестным народам Средней Азии, и если в это время и могли зародиться какие-то новые тенденции демографических процессов, то они могли быть связаны только с некоторым улучшением — впрочем, очень незначительным — условий жизни местного населения, его состояния здоровья, а потому могли скорее вести к повышению, нежели к понижению уровня рождаемости.

Подводя итоги изложенному, можно утверждать, что воспроизводству населения Средней Азии во второй половине XIX в. были присущи все основные черты, характерные для обществ, в которых преобладают феодальные производственные отношения, а жизнь и быт народа ограничены рамками традиционных институтов и религиозной морали.

Отрицательное влияние всей совокупности социально-экономических условий на ход демографических процессов проявлялось в быстрой смене поколений при очень высокой рождаемости и смертности, в относительно медленном естественном приросте населения, в резкой диспропорции полов с значительным преобладанием мужского населения над женским. Демографическое поведение людей было тесно связано с патриархальными се-

мейными отношениями, неравноправным положением женщины. Присоединение Туркестана к России в известном смысле положило начало некоторым, хотя и очень незначительным, переменам в области воспроизводства населения. Однако колониальная политика царизма в сочетании с жестокой феодальной эксплуатацией не способствовали созданию обстановки демографического благополучия в Туркестанском крае. Говорить о начале сдвигов в демографических процессах в Средней Азии во второй половине прошлого столетия нет оснований.